

A black and white photograph of a hand dripping water into a pool of water. The word 'ГЛУБИНА' is written in large, metallic letters on the surface of the water, with its reflection visible in the ripples. The background is solid black.

ГЛУБИНА

ТАРАС ПАНОВ

Тарас Панов

Глубина

<https://litres.ru/73880798>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна сбежала из душной Москвы в деревню Глухое, чтобы начать новую жизнь. Старый дом с нелепой синей крышей, тишина и покой — казалось, это всё, что ей нужно. Но местные жители смотрят на неё с плохо скрываемым страхом и твердят одно: «Не ходи к оврагу».

Вскоре Анна понимает, что это место — не то, о чём она мечтала. В лесу ждёт древний колодец, который исполняет желания. И он уже выбрал Анну своей новой жертвой. Чтобы спастись, ей придется вспомнить то, что её разум пытался забыть. Вот только плата за правду может оказаться слишком высокой.

Содержание

Глава 1. Глухое	4
Глава 2. Сосед	10
Глава 3. Колодец	21
Глава 4. Деревенские байки	38
Глава 5. Чердак	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глубина

Глава 1. Глухое

На обширных просторах России селения часто получают названия настолько живые и говорящие, что, увидев их, сомнений не остаётся — это судьба. Именно с таким местечком на карте и столкнулась Анна. Вроде бы всего лишь сотня километров от Москвы, однако название деревни, отпечатанное на карте: Глухое, говорило само за себя. Именно такие мысли: о превратностях судьбы и, вероятно, верно принятых решениях посещали её в тот момент, когда деревня оказалась за вековыми деревьями.

Красный, слегка пыльный после долгой дороги среди полей и лесов, «Шевроле» неспешно въехал на деревенскую улочку. Яркое, уже клонившееся к западу солнце заглядывало в салон прямо через лобовое стекло, заставив Анну снизить скорость и опустить козырёк. Лучики, преломлённые деталью машины, весело переливались и скакали по обивке салона, игриво задевая подбородок девушки, который не смог скрыться за тенью.

Неухоженная, но не ухабистая, довольно ровная дорога, яркий слепящий свет солнца и старенькие покосившиеся домики сразу же складывали впечатление заброшенности. Бревенчатые строения с заколоченными окнами, заросшие

участки, отсутствие любопытных глаз — вот всё, за чем ехала сюда Анна. Конечно, она всё же надеялась повстречать здесь хоть одну живую душу, ведь в такой глуши оставаться одной в какой-то момент могло быть опасно.

Но опасения себя не оправдали. Проехав дальше по улице, у одного из крайних домов Анна заметила лавочку, на которой сидели и внимательно наблюдали за незваной гостьей две старушки, одетые, словно в старорусской сказке. Девушка притормозила, высунулась в открытое окно, собрав в кулак всё своё природное обаяние, широко улыбнулась и погромче, чтобы её точно услышали (всё-таки неизвестно, хорошо ли слышат старушки), спросила:

— Здравствуйте, бабушки! Не подскажете, как проехать к дому с синей крышей? — Улыбка вышла кривоватой, но ничего, она ещё поработает над этим.

— Подскажем, чего ж не подсказать.

Две пары внимательных глаз буквально впились в Анну, разглядывая её наружность.

— Дальше езжай. Направо, вдоль домов. Твой последний самый, у границы леса, — ответила та, что сидела поближе: дородная, широкомордая, с маленькими глазами.

— А ты чейная будешь, девица? — подала голос её соседка.

— Я ничейная, бабушки, я — сама своя! — Анна попыталась напустить на себя невозмутимый, но горделивый вид. — Домик вот у вас в деревне купила, приехала отдохнуть от

города, наслаждаться природой.

Старушки молча переглянулись, но прочесть, что написано на их лицах, Анна не смогла: солнечный лучик не вовремя отразился от глянцевого покрытия машины и прилетел прямо в глаза, заставив Анну на секунду зажмуриться. Когда зрение снова пришло в норму, старушки просто сидели, всё так же внимательно разглядывая её.

— Ну, добро пожаловать, деточка! Ты езжай, обживайся, а нас встретишь ещё, раз не на один день приехала. Отдохни с дороги, а там как-нибудь и познакомимся, — бабушка номер один, как окрестила её про себя Анна, слегка улыбнулась, да снова махнула рукой в ту сторону, куда отправляла девушку.

Крикнув: «Спасибо!», Анна быстро вернулась внутрь и поехала по полученной инструкции. Улыбка, так старательно растянутая для местных, не сошла с её лица, как это бывает у всех и каждого. Наоборот, она застыла, как маска, но через несколько секунд всё же сползла, вернув Анне вечно скучающее выражение лица.

Наконец, всего через десяток домов показалась её конечная цель. Старенький, но вполне крепкий дом, за которым простирался глухой тёмный лес. Дом был небольшой, наверное, всего пара комнат. Окошко под крышей наводило на мысли о чердаке, а стены, местами разного цвета, говорили о том, что дом перестраивали и ремонтировали несколько раз. Фундамента не было, по всей видимости, прежние хозяева не оставались здесь на зиму, так что то, что дом стоит

на камнях и поднят примерно на полметра от земли, никого не смущало.

Но главный ориентир, тот, который был указан в инструкции по проезду — синяя крыша, сразу же бросался в глаза. Действительно, крыша была покрашена в синий, довольно неприятный глазу цвет, и разительно отличалась от крыш домов, что Анна проехала чуть ранее.

Анна, графический дизайнер по роду деятельности, мысленно застонала. Крыша синяя. Стены серые, местами зелёные и даже коричневые. Прежние хозяева явно не заботились о внешнем виде дома, либо стесняясь в средствах, либо просто не думая о том, как он выглядит со стороны.

Но какие-то стены и крыша не смогут её остановить. Ведь не просто так она проделала весь этот путь! И речь не только о плохой дороге, начавшейся примерно через тридцать-сорок километров после выезда за МКАД, нет. Анна долгое время приходила в себя и налаживала жизнь после того, что произошло в её прошлом, и она заслужила, целиком и полностью заслужила покой и отдых. От этого рабочего балагана, от шума, от скорости жизни в большом городе. Отчасти даже от себя самой. Так что увиденные мелочи не перечеркнули бы последний год работы над собой.

Участок перед домом давно зарос, так что «Шевроле» припарковаться было негде, благо дорога заканчивалась настолько близко к узкой тропинке, ведущей к дому, что оставленная на ней машина никак не помешала бы соседям сво-

бодно пройти как в одну, так и в другую сторону. А там, будет время, можно и расчистить пространство.

Анна покинула автомобиль, прихватив багаж. Всё, что ей было необходимо, вместилось в обычную спортивную сумку. Вещей у неё в принципе было не много, да и новую жизнь всегда надо начинать с нового листа, по максимуму оставляя за спиной всё, что связывало с душевной Москвой.

Ключ, заботливо оставленный прежним хозяином под массивным камнем у порога, остался никем не тронутым. Анна с улыбкой, теперь уже настоящей, тёплой, открыла входную дверь и сделала шаг внутрь.

— Городская, похоже. Василь!

Бабушки так и сидели на лавочке, провожая машину взглядом. В доме зашуршали, и через минуту из-за двери практически вывалился поджарый старичок, загорелый после долгого и жаркого лета, насыщенного огородной работой. На ходу вытирая руки о грязную тряпку, он, невзирая на возраст, в мгновение ока оказался возле старушек.

— Чегось, Марфуш? Ну, кто там такая?

— Новенькая, Василь. Всё в тот же дом.

Марфушей оказалась та самая дородная женщина. Всё ещё влюблённый взгляд мужчины легко помогал определить, что крепкий, сложенный Василь уже невесть сколько лет души не чаёт в этой женщине. Он присвистнул:

— Эвона как. Чего делать?

— А чего сделаешь? — подала голос вторая, вполне обычная и внешне неприметная старушка.

По брошенному ей взгляду Василя сразу было понятно, что подругу в семействе не очень-то жалуют. Во всяком случае, мужская половина этого самого семейства.

— Ты, Василь, завтра к ней наведайся. Посудачь, присмотришься. Коли просто жить хочет, так пускай живёт. Кто ж мешать то будет. А ежели ей чего похлеще надобно, так постарайся осадить сразу. Расскажи, как другим рассказываешь. И про овраг не забудь. Нечего лишний раз в лес лазить, а уж к оврагу — тем более. Нехорошо это, — Марфуша наспех перекрестилась, — Нехорошо, если Тот опять выползет. Ой, нехорошо.

Василь задумчиво посмотрел в сторону дома с синей крышей и, немного помедлив, кивнул.

— Да, — теперь уже он перекрестился. — Ничего хорошего.

Глава 2. Сосед

Первая ночь выдалась трудной. Старый дом, скрипучие половицы, отсутствие городского шума: всё это неожиданно давило, немного нагнетало атмосферу. Анна не боялась одиночества и темноты, но резкая перемена всё же не давала уснуть. Больше всего её пугали звуки — деревья за окном мерно покачивались, и стоны древних гигантов были похожи на крики неведомых зверей.

Анна некоторое время провела у окна, выходящего в лес, глядя в тёмное пространство между деревьями, чтобы понять, кому они принадлежат. В какой-то момент она даже хотела выйти из дома, пока не поняла, что звуки появляются при покачивании деревьев: именно они, по её наблюдениям, и создавали этот специфический звуковой эффект.

Успокоившись и убедив себя в том, что абсолютно ничего страшного здесь нет, Анна всё же улеглась спать и, ещё немного поворочавшись и привыкнув к обстановке, всё же провалилась в сон. Ей, как и раньше, снилась сплошная темнота. Она всегда отчётливо помнила этот сон, в котором не происходило ничего. Каждый раз она оказывалась в тягучей, почти осязаемой тьме и каждый раз не могла пошевелиться. В этом сне не было ни образов, ни звуков. Она будто оказывалась в накрепко замотанном коконе, из которого невозможно было выбраться, и потом просто открывала глаза, ко-

гда приходило время просыпаться.

Однако на этот раз пробуждение было неожиданным, как и то, что в своём обыкновенном, ничего не значащем сне она впервые услышала звук. Где-то там, в темноте, довольно далеко, но не настолько, чтобы полностью исчезнуть, медленно раздавался звук падающих капель.

Из сна её вырвали крики петухов, уже бодрствующих и готовых к новому дню. За окном едва светало. Наручные часы, оставленные на маленькой тумбочке возле кровати, показывали почти пять утра. Недовольно застонав, Анна потянулась в кровати, собираясь снова закрыть глаза, но очередной крик петуха заставил её улыбнуться, а следующий и вообще рассмеяться. Разве это не то, к чему она стремилась?

Нет, так дело не пойдёт! Нечего пролёживать бока. Впереди целая жизнь, чтобы выспаться. А вот дел, судя по обстановке, как в доме, так и на участке, её ждало довольно много, так что отлынивать и откладывать на потом — не самая лучшая идея. К тому же, едва началась осень, и до первого снега, который мог бы заботливо укрыть царивший за окнами беспорядок, ещё далеко. Анна выпорхнула из кровати, полная энергии и энтузиазма, но старая привычка сразу же отвлекла её от дел и повела на кухню. Ну кто начинает день без чашечки ароматного крепкого кофе?

Как и предполагалось, весь дом состоял всего из двух комнат: в одной, небольшой и похожей на пенальчик, она сейчас и проснулась. Обстановка оставляла желать лучшего: шат-

кая кровать со старым пролежанным матрасом, маленькая тумбочка у кровати. Вдоль стен массивный шкаф для одежды и стол с одной и другой стороны соответственно. Вся мебель старая, обшарпанная, но вполне способная прослужить ещё долгое время. На полу, как и на стенах, ожидаемо висели ковры. Случайный прохожий наверняка просто выбросил бы всю эту мебель на помойку, да приобрёл новую, но Анна не искала лёгких путей. Да и вообще, она находила подобное старьё очень даже привлекательным и способным превратиться в конфетку, если как следует над ним поработать.

Вторая комната, которая занимала большую площадь дома, скорее всего была единственной до перестроек. Невооружённым взглядом можно было понять, что у стены, занимая практически половину комнаты, когда-то давно располагалась печь, отвечавшая и за тепло, и за еду, и за спальное место. Сейчас же на этом месте стоял хлипкий кухонный гарнитур, превращавший эту сторону комнаты в некое подобие кухни. Тут же, в центре комнаты, находился обеденный стол, довольно большой, чтобы спокойно усадить ещё троих гостей, помимо хозяйки.

Здесь как стены, так и полы так же были плотно уложены коврами. Видимо, прежних владельцев не слишком заботили возможности зимовки, и дом использовался только в дачный сезон. Электричество к дому было подведено, но бывший хозяин сразу же предупредил о необходимости обзавестись генератором: очень уж нестабильно оно работало.

Анна подошла к раковине и услышала: «Кап, кап, кап». Замерла. Затем улыбнулась сама себе: всего лишь подтекает рукомойник. Наспех умылась холодной водой, которую предусмотрительно набрала перед сном. Водопровода не было. Вместо него в углу стояла бочка, сейчас пустая, а на полу рядом с ней — новенькое ведро, прямо как подарок на новоселье. Куда уходил слив, пока оставалось только гадать, но, кажется, труба просто отправляла всю воду в пространство под домом. В кофеварку пошли остатки бутилированной воды, которую Анна привезла с собой. Газовая плитка, подключённая к маленькому баллону, весело загорелась синим пламенем.

Девушка по обыкновению заварила две чашки кофе: один покрепче, другой более разбавленный, поставила их на стол, размешала сахар. Следующие десять минут, пока напиток обжигал её внутренности, она задумчиво смотрела на вторую чашку, оставленную на столе. В голове было пусто, но какое-то свербящее чувство, будто кто-то пытался пощекотать её где-то там, на самой подкорке, никак не отпускало, пока Анна, наконец, расправившись со своей порцией напитка, не подскочила и не начала суетиться.

Разбираться с внутренним убранством было, конечно, интересно, но для начала ей необходимо было добавить воздуха на участке — очень уж он зарос за то время, пока здесь никто не жил. Ещё вечером, когда Анне захотелось зайти в покосившийся туалет, дорога до него оказалась полна колю-

чей травы, мелких, но цепких кустов и, что самое неприятное — сочной, обжигающей крапивы.

Выглянув наружу, Анна окинула взглядом свои владения. Небольшой участок, шесть соток. Дом занимает почти половину его. За ним, почти у самого леса — тот самый туалет, а рядом маленький сарайчик с кучей всякого барахла, половину из которого пора выбрасывать, а на освободившееся место поставить генератор. Забора не было, да и кому, по сути, он здесь нужен? Самый крайний дом в деревне: с одной стороны такие же ничего не скрывающие соседи, с другой — величественные деревья. И, судя по карте, лес этот пронзала дорога километрах в двадцати, не меньше. Так что бояться нечего, максимум случайный грибник покажется. Да и что тут такого?

А вот заросли травы, кустов и ещё неизвестно чего очень даже портили внешний вид и внутреннее состояние Анны. Выбрав более-менее нормальную мотыгу в сарае и прихватив секатор, она первым делом освободила дорожку к туалету. Перчаток не нашлось, так что очень скоро руки были исцарапаны веточками и обожжены крапивой, из-за чего работа продвигалась медленно. Солнце светило ярко, но тени, создаваемые деревьями, легко прятали девушку в своих объятиях.

Сколько прошло времени, она не знала. Пока дело шло, совсем не важно было, что день может внезапно закончиться. Не важно было и то, что вся растительность пыталась на-

вредить ей: обжечь, исцарапать, порезать. На самом деле в какой-то момент её вовсе ничего не заботило: со стороны бы показалось, что Анна находилась в глубокой медитации, чисто механически двигала руками и не реагировала на происходящее вокруг.

Из этого состояния её вывел противный лязгающий звук. Помотав головой, на соседнем участке она увидела женщину лет пятидесяти в простеньком сарафане и с косынкой на голове. Звук издавали вёдра, наполненные водой — железные, но настолько старые, что легко было заметить практически насквозь проржавевшие ручки.

— Здравствуйте! — Анна поднялась и приветливо помашала рукой. — Эй, здравствуйте! — пришлось крикнуть ещё раз, так как соседка не реагировала.

После второго приветствия та остановилась, взглядом разыскивая, кто же её зовёт.

— Я здесь! — Пришлось ещё раз окликнуть соседку.

Она, наконец, повернулась к источнику шума, но взгляд её упал не на самую Анну, а проскользил по синей крыше и только потом резко перевёлся на девушку. Руки женщины разжались сами собой, и вёдра полетели на землю, расплывкая набранную в них воду. Охнув, женщина перекрестилась и бегом побежала к своему дому, а затем, хлопнув дверью, скрылась внутри. Озадаченная Анна так и осталась стоять с поднятой в приветственном жесте рукой. «И что я ей сделала?», — промелькнуло в голове. Было хоть и необидно,

но как-то некомфортно.

Пронзительный, ужасно холодный порыв ветра со стороны леса заставил её обернуться, отвлекая от неудачной встречи. Кожа в мгновение ока покрылась мурашками, но, стремительно налетев, ветер так же стремительно прекратился. Однако волосы уже начали вставать дыбом, и Анна непроизвольно сглотнула, всматриваясь в пространство между деревьями.

— Хозяйка! Принимай гостя! — зычный мужской голос раздался со стороны дороги, заставив Анну подскочить на месте.

Оббежав дом, у порога она увидела крепкого старичка, очень загорелого, в старых, истрёпанных и запачканных землёй штанах, в клетчатой выцветшей рубашке и с панамкой с вышитыми на ней цветочками на голове. Панамка явно была нахлобучена тяжёлой рукой женщины, ведь оставалась самым чистым предметом одежды на старике.

— О, здравствуй, соседка!

Увидев её, мужчина шустро приблизился, протягивая мозолистую руку. Анна пожала её, сразу представившись гостью, но не успела одернуть, как в открытую ладонь тут же прилетел пучок свежей зелени и ручки от пакета, который старик всё это время держал неизвестно где. Заглянув внутрь, девушка увидела несколько огурцов, помидоров и даже пару небольших кабачков.

— Марфа тебе гостинец с огорода передала. Своё всё! На-

туральное, без химикатов этих ваших! — гордо выпрямился дед. — А я, кстати, Василий, но меня все Василём кличут. Ты тоже можешь. Бабка моя, Марфа, тобишь, сказала: «Нужно городскую повстречать, поприветствовать в деревне».

— А она откуда узнала, что городская?

Анна неловко переминалась с ноги на ногу, пытаясь удерживать довольно тяжелый пакет.

— Дык, ясное дело, — он махнул рукой в сторону «Шевроле». — У деревенских-то откуда такому добру взяться? А Марфу ты, кстати, видела, когда дорогу вчера спрашивала!

Учитывая комплекцию Василя, Анне почему-то пришло в голову, что Марфой была старушка поменьше, посуше. Когда она озвучила предположение вслух, Василь захохотал, шлёпнул пару раз себя по колену, а затем смахнул одинокую слезинку:

— Ох, насмешила старика! Да куда ей до настоящей женщины-то! Тьфу! Нет, — тут он улыбнулся, как довольный мартовский кот. — Э, нет, моя Марфуша — она ух! — руками он изобразил нечто вроде обхватывания пышных форм своей любимой.

— Ой, Василий... Извините, не знаю, как вас по батюшке. Что же мы стоим? Пойдёмте, чаю налью!

Анна поспешила сменить тему, пока сцена с любвеобильными обхватами воздуха Василём не отпечаталась в её памяти. Она взглянула на часы и увидела, что уже почти два часа дня. Как быстро пролетело время, когда столько дел!

— А времени-то сколько! Тогда и на обед заходите!
Василий только помотал головой:

— Не-не, я ненадолго. Делов полно. Ты рассказывай лучше, как устроилась. Одной не страшно?

Старик зачем-то начал задавать вопросы на ходу, потихоньку обходя дом и заходя на заднюю часть участка. Взглядом пробежался по проторенной к туалету дорожке, которой всё утро занималась Анна, присмотрелся к деревьям, что-то хмыкнул себе под нос. Анна едва поспевала за ним, пока не поставила пакет с гостинцами на землю.

— Я одна не боюсь. Да не маленькая уже, так-то. Тишины вот захотелось. Покоя. Из Москвы приехала, благо возможность есть.

Старик кивал, но продолжал как будто подозрительно осматриваться вокруг.

— Покой — это хорошо. Но у тебя тут, — он махнул рукой, указывая на беспорядок, — покоем, кажись, не пахнет!

— А, это ничего. Я руками работать люблю. Всяко лучше, чем в тесном городе сидеть, из квартиры не вылезать.

Анна встретилась с Василём взглядом, и ей показалось, что в нём промелькнуло то ли сочувствие, то ли ещё что-то.

— Умница, ничего не скажешь! Живи тогда, обживайся. Здесь люди все простые, добрые, если кому чего плохого делать не будешь, — Василий слегка похлопал её по плечу, но внезапно посерьёзней, как-то собрался и, понизив голос, продолжил: — Ты к оврагу только не ходи.

Взгляд его упал на едва заметную тропинку, уводящую в лес. Заросшая, как и всё остальное, для Анны эта тропка стала открытием. Раньше она бы никогда не обратила внимания на слегка притоптанную землю между двумя засохшими кустами малины, но теперь, после того как сосед посмотрел туда, её вдруг потянуло. Любопытство сразу выскочило перед всеми другими чувствами.

— А чего там, в овраге?

Машинально Анна тоже понизила голос. Василь некоторое время помолчал, словно обдумывая, что ответить, но потом как будто передумал и, заметно повеселев, сказал:

— Да ничего такого, просто место плохое! Потеряться легко. Там, в лесу бурелом непролазный, а в овраге окажешься, так вообще трудно понять, куда идти. Так что ты туда не лезь. У тебя и тут делов вона сколько, до зимы хватит. Ну, а я пошёл, у меня их тоже, — он театрально поднял руку вверх, как бы устанавливая уровень забот. — Завтра, кстати, к обеду ближе магазинчик наш приедет. Так что, ежели надо чего, выходи в начало деревни, только деньги прихвати.

— Спасибо! Обязательно приду! — Анна улыбнулась, и Василь, ещё раз внимательно окинув взглядом пространство, быстро ушёл, скрывшись за домом.

Девушка снова бросила взгляд на скрытую тропку, уходящую куда-то в лес. Под ложечкой засосало. Захотелось сразу же пойти и посмотреть, куда она ведёт, но будильник, установленный в часах ровно на два, своим писком выдернул её

из этого состояния.

— Баб Кать, чувствую я в ней что-то! Сама не знаю. Не такая она, как прошлые жильцы, не такая!

Женщина стояла у порога одного из деревенских домов. Из дома, приоткрыв дверь, выглядывала подруга Марфы.

— Ты не пужайся в следующий раз, присмотрись, заговорить не забудь. Ближе всех живёшь, кто приглядывать-то будет? — старушка всем своим видом показывала серьёзность ситуации. — А чего увидишь, бегом за нами. Марфа с Василём вообще почти не спят, всяко будет, кому прискакать на помощь.

Женщина кивала, явно не согласная со своей ролью, но, судя по всему, особого выбора у неё не было.

— Ну, ступай, ступай. Будет день, будет и пища, — Баба Катя скрылась за дверью, легонько хлопнув ей перед лицом гостыи.

Та, ещё недолго постояв у порога, медленно побрела в сторону своего дома, рядом с которым, поплёскивая на солнце, выделялась синяя крыша. Стоило задуматься о приезжей, как налетевший ледяной ветер заставил женщину задрожать, но хуже всего было от звуков, которые издавали покачивающиеся деревья. Трижды перекрестившись, она поспешила скрыться внутри своего жилища.

Глава 3. Колодец

Пробуждение на этот раз далось Анне тяжелее. Не из-за усталости: вчерашняя работа, хоть и была долгой, скорее воодушевляла, чем выматывала. Но всё же разум беспокоили другие вещи — её вязкие, тягучие сны. В эту ночь Анна поняла, что может не только слышать звук падающих капель, но и двигаться. Движения эти были максимально простыми: Анна только вертела головой и пыталась повернуться, поднимала и опускала руки, а вот ноги отказывались нести её вперёд. Да и куда вперёд? «Кап, кап, кап» — звук раздавался отовсюду, буквально поглощая всё её существование. В бесплодных попытках определить источник Анна беспокойно проспала всю ночь, и петухи не смогли сразу выдернуть её из объятий Морфея.

Только к семи утра, когда вся деревня заканчивала утренние дела, а солнце уже всюду припекало, девушка смогла открыть глаза. Жутко болела голова, и настроение было, мягко говоря, паршивым. «Кап, кап, кап» — всё ещё звучало где-то на подкорке.

Окончательно проснувшись, освежившись остатками прохладной воды и выпив таблетку аспирина, Анна по обыкновению заварила кофе, разлила по чашкам и уселась приводить мысли в порядок. Взгляд блуждал по внутреннему убранству комнаты, пока не упёрся во вторую чашку, стоя-

щую на столе. В груди что-то заскребло, головная боль снова нахлынула, стискивая виски. С трудом оторвав взгляд, Анна прошептала:

— Глупости, — после чего вскочила и с размаху швырнула кружку с горячим кофе в раковину.

Осколки разлетелись во все стороны, а обжигающий напиток попал на босые ноги, но Анна этого не заметила. Она замерла, будто в ступоре. В голове не было ни единой мысли. Какое-то время простояла так, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Пальцы на ногах шевелились, как бы пытаешься прогнать жгучее чувство. Через минуту, тяжело вздохнув, Анна натянула улыбку и принялась за уборку.

К тому моменту, когда кухня снова пришла в порядок, а осколки отправились в мусорное ведро, таблетка подействовала, и головная боль отступила. Теперь уже ранее застывшая улыбка стала действительно искренней. В глазах девушки загорелась прежняя бойкая искорка. На секунду, только на секунду она вновь ушла в себя, увидев покрасневшую кожу на ступне, которая неприятно жглась, стоило до неё дотронуться. «Откуда?», — пронеслось в голове, но разум уже не связал повреждённую кожу с тем, что произошло совсем недавно.

Вспомнив слова Василия о том, что к обеду в деревню приедет магазинчик, Анна посмотрела на время и поняла, что могла ещё успеть похлопотать на участке. На часах было почти девять, так что будильник был выставлен ровно на

час. Она вышла на улицу, окинула взглядом фронт работ и, вооружившись тяпкой, принялась бороться с сорняками.

Время шло медленно, можно сказать, тянулось, однако это было только плюсом: работа, в отличие от времени, продвигалась на удивление хорошо. На этот раз Анна решила обозначить границы участка и начала прямо за туалетом, путь к которому расчистила вчера. Управившись со всей задней частью, она переключилась на территорию перед домом. Трава и мелкие кустарники не выдерживали напора девушки, буквально разлетались в стороны, завидев воинственно поднятую над головой тяпку.

Довольно быстро земля приобрела границы, и теперь ей оставалось только собрать всю траву в кучу. Анна пользовалась старым ржавым ведром из сарая: туда летело всё подряд, в том числе и многочисленные веточки, которые попадали с нависающих деревьев. Мало-помалу она подбиралась к задней части участка, пока не наткнулась на высохшие кустики малины и голую полосу земли за ними. Взгляд машинально потянуло вверх, и Анна замерла, увидев тропинку, ведущую вниз, к оврагу.

Узкая, едва заметная, она уходила чуть вперёд, к буйным зарослям орешника, среди которых виднелись стволы поваленных деревьев. Чуть дальше угадывался небольшой склон, и, если верить Василию, где-то там начинался овраг. Взгляд буквально притягивался к этому месту, а звуки, ранее окружавшие её со всех сторон, вдруг исчезли, оставив после себя

только гнетущую тишину.

Анна медленно сделала шаг, затем другой. В голове не проскочило ни единой мысли. Всё внимание было приковано к поваленным стволам и пышным кустарникам, скрывающим за собой глубину оврага. Ноги сами вели её всё ближе и ближе через орешник к массивному стволу, перекрывающему путь. Стоило только подпрыгнуть, перелезть его, а там продрасться через кусты и, кто знает, может впереди что-то есть. Присмотревшись к стволу, Анна заметила непонятные отметины, не похожие на природное происхождение. Глаза закрылись сами по себе. В голове раздался стук топоров, крики мужчин, звук падающего дерева.

За спиной треснула ветка. Звуки природы резко нахлынули со всех сторон, сбив девушку с толку. Повернувшись, Анна вскрикнула от неожиданности.

— Господи, чего орать так звонко! — Позади, в начале тропки стоял мужчина лет сорока в камуфляжной одежде и с корзиной, полной грибов в руках. — Так и богу душу можно отдать!

Мужчина рассмеялся, вытерев лоб тыльной стороной ладони.

— Вы кто? И чего на моём участке?!

Испуг сменился зарождающимся гневом. Ладно ещё, если соседи будут околачиваться возле дома, но вот так вольно бродить по участку она никому позволить не могла.

— А, я...

Мужчина на секунду замешкался, потом, посмотрев на свою корзинку, пошлёпал по ней рукой.

— Да я вот. Грибы собирал, со стороны леса пришёл. Вы уж извините, не подумал. У нас тут вроде как к этому нормально относятся, если случайно забредёшь к кому, — он виновато потупился, поджав губы. — Хотите грибочков? Всё равно одному много. Я, кстати, Николай, — он сделал пару шагов к Анне, вытянув перед собой руку.

Эмоции утихали. Анна выдохнула. «Ладно, над этим ещё нужно поработать», — подумала она. Затем подошла и пожала руку.

— Анна, очень приятно. Грибы? — Она окинула взглядом корзинку. — Да вы знаете, я понятия не имею, что с ними делать. А уж отличить одни от других — тем более.

— Городская? — понимающе хмыкнув, Николай махнул рукой. — Не переживайте, я сам из Москвы, но уже много лет сюда летом езжу. Дом от бабки остался. Раньше тоже ни бум-бум, а теперь вот за уши не оттащишь. От леса, от природы.

Он широко улыбнулся, сверкая идеальными зубами. Да, было видно, что подобная улыбка стоила немалых усилий стоматолога, которых в такой глуши вряд ли найдёшь. В какой-то миг его взгляд посерьёзnel, а улыбка сползла с лица:

— Вы только если по лесу хотите прогуляться, лучше идите к началу дороги, там, где в деревню въезжали. Там тропинок несколько хороших, сразу увидите. Вот по ним ходите,

все красоты посмотрите. А туда, — он взглядом указал на заросли за спиной Анны и вдруг замолчал, подбирая слова. — Туда не ходите. Гиблое место. Ноги переломаете, никто не найдёт.

— Вы не первый, кто запрещает мне идти этой тропкой. Уж не деревенский ли сговор? — Анна заговорщицки подмигнула и задержалась взглядом на лице мужчины, ожидая ответа.

В его глазах всего на долю секунды, как ей показалось, промелькнул страх.

— Да куда уж нам! Вы с бабками нашими поговорите, они вам столько всего расскажут, сами думать забудете об этом!

Николай как-то слишком нервно выпалил последнюю фразу и, заметив, что собеседница всё ещё внимательно всматривается в его лицо, поспешил отвернуться.

— Ну, я пошёл. Дома дела ещё ждут. А вы заканчивайте. Минут через тридцать Семёныч уже приедет, а он долго никого не ждёт, у него таких деревушек по пути много!

Не дожидаясь ответа, Николай быстро обогнул дом и скрылся из вида. Анна подняла руку и посмотрела на часы. И правда, почти половина первого. Она поспешила к дому, но, сделав несколько шагов, напоследок обернулась. Стоило начать всматриваться в сторону мешанины из веток и листьев, как вокруг всё затихало, будто бы притягивая к себе. С трудом оторвав взгляд, Анна вернулась к дому, умылась прямо из ведра, стоящего у порога. Воду она набирала утром в бли-

жайшем колодце, перед тем как приняться за работу.

Вместо того, чтобы просто дожидаться нужного времени, ноги не спеша понесли её по деревне, чтобы, наконец, осмотреться и, если повезёт, познакомиться с кем-нибудь ещё. Точного времени прибытия этого Семёныча она не знала, но до часа оставалось целых двадцать пять минут, а идти к началу деревни всего ничего. Обожжённая ступня сразу напомнила о себе, стоило выйти в босоножках под солнечный свет. Чувство вновь вызвало недоумение, но лишние мысли только отвлекали от дела, так что она просто решила, что повредила кожу во время работы.

Анна потихоньку двигалась вдоль домов. Прошла мимо общего колодца, у которого до сих пор не заметила ни единой живой души, но по уровню воды в нём прекрасно понимала, что деревенские просто набирают воду гораздо раньше, чем она приступает к своим делам. От дома до поворота её отделяло всего шесть домов и, хоть раньше казалось, что половина из них заброшена, сейчас было видно, что деревня живая. Где-то из трубы валил дым, где-то колыхались занавески, чья-то входная дверь была открыта, а из глубин дома доносился звон посуды. Несмотря на всё это, ни один сосед так и не показался ей.

Дойдя до поворота, Анна попыталась разглядеть дома впереди, но решила, что лучше прогуляется в ту сторону в следующий раз. Судя по расположению строений, вся деревня располагалась буквой «Т» и насчитывала домов два-

дцать-двадцать пять, не больше. Взгляд Анны привлекла молодая девушка, на вид на несколько лет младше неё. На ней, кроме тоненькой просвечивающей блузки и белых трусиков не было никакой одежды, и Анна увидела явно округлившийся живот, который указывал на довольно большой срок. Девушка находилась внутри одного из домов и старательно отмывала окно, смотрящее прямо на улицу. В какой-то момент их взгляды встретились. На лице соседки прочиталось удивление, после чего она испуганно отпрыгнула от окна и задёрнула штору.

Анна остановилась. В груди вновь завибрировало, будто пыталось вырваться наружу, но в голове было пусто. Подавив неприятное ощущение, она побрела дальше. Впереди виднелась та самая лавочка, на которой сидели бабушки, указавшие ей дорогу, только сейчас пустая. Мимо, задорно дребезжа звонком, пролетел мальчишка на велосипеде, оставив после себя облачко пыли. Ещё несколько домов и показался въезд в деревню.

Здесь-то все и были. Анна увидела припаркованный фургон с откидным бортом и с десяток человек, собравшихся вокруг него. Двое крупных мужчин среднего возраста грузили мешки с чем-то в тележку. Старушка, похожая на Марфу, болтала с женщиной, держащей на руках младенца. Мальчишка на велосипеде нарезал круги вокруг девчушки его же возраста, то и дело стараясь дёрнуть её за рыжую, свисающую до поясницы косу, а женщина рядом, видимо, её

мать, каждый раз пыталась шлёпнуть его по руке. Прямо у фургона, разговаривая с усатым улыбчивым мужчиной, стоял Николай, протягивая тому деньги.

Анна подошла поближе, вежливо поздоровалась со всеми, но заметила, что люди как-то холодно поприветствовали её в ответ, будто сторонились. Женщина с ребёнком громко попрощалась со старушкой и поспешила уйти. Другая, та, что с рыжей девочкой, тоже подогнала своё чадо и отправилась восвояси. На месте остались только мужики да Николай, которые в целом довольно добродушно отнеслись к её появлению, но скорее просто не обратили на неё внимания, занимаясь своими делами.

Она улыбнулась грибнику, и тот поздоровался, но не стал задерживаться. Крикнул хозяину фургона: «Спасибо!», и тут же убежал, едва не падая под грузом двух огромных пакетов с продуктами. Зато улыбчивый усач, хозяин магазинчика, был только рад новым покупателям, так что улыбка на его лице лишь сильнее растянулась, угрожая занять практически всё округлое лицо:

— Ну надо же, новенькая! Как приятно, дорогуша! — он вытянул руку и, увидев протянутую к нему в ответ руку Анны, с энтузиазмом потряс её. — Семёныч по батюшке. Яков звать. Но лучше Семёныч!

На вид было достаточно сложно определить его возраст. Вроде бы довольно гладкая физиономия с паутиной морщин в уголках глаз, которые легко было списать на не сползаю-

щую улыбку. В то же время густые усы, которые накидывали десяток лет сверху. Грубые, повреждённые артритом руки, явно не знавшие отдыха многие годы, и бойкий, зычный голос. Всё в нём было противоречиво, но как будто на своём месте. Внимательные глаза лучились радостью, однако в них мелькала какая-то хитринка, присущая, наверное, любому опытному торгашу.

— Анна, — девушка представилась, улыбнувшись в ответ.

— Очень приятно, очень! Всегда приятно видеть новых покупателей в этой глуши! Вы насовсем? Или так, проветриться?

— Я пока и сама не знаю. Хотелось бы насовсем. А там как пойдёт.

— Понимаю, понимаю. Ой, чего ж я! Вы смотрите, — он развёл руками, показывая на прилавок, — выбирайте, чего надо!

Ассортимент магазинчика, на удивление был довольно приятным: хлеб, крупы, специи, разнообразные сладости, печенье, молочные продукты, колбасы, какое-то мясо. В маленьком холодильнике нашлось даже место для пельменей и мороженого. Окинув взглядом товары, Анна выбрала буханку свежего хлеба, две пачки макарон, овсяное печенье к чаю и пачку сахара.

Семёныч тут же упаковал всё в простой целлофановый пакет. Со скоростью, которой позавидовали бы даже наборщицы, посчитал сумму на калькуляторе и, улыбаясь, придвинул

поближе к Анне лоточек для денег:

— Пятьсот двадцать четыре! Вам для первого раза скидочка. Так что ровно пятьсот!

Никогда в своей жизни не торговавшаяся и не получавшая скидок по таким банальным причинам Анна залилась краской, что-то промямлила себе под нос и протянула Семёнычу карту. Тот в ответ поморщился:

— Э, барышня, лучше наличкой. У нас тут со связью туго, не дойдут денежки.

— Извините... — краснея пуще прежнего, Анна протянула пакет с продуктами обратно. — Налички нет совсем.

Улыбка снова озарила круглое лицо продавца:

— Да бог с ней! В следующий раз отдашь! Не хватало ещё из-за такой мелочи без продуктов остаться. Запомни! У Семёныча никто голодным не ходит!

Он отмахнулся от пакета, выудил из нагрудного кармана маленький блокнотик с ручкой и, по всей видимости, записал Анну в список должников. К тому моменту, когда сделка свершилась, вокруг фургончика уже никого не было. Поблагодарив хозяина, Анна уже собиралась уходить, когда Семёныч снова окликнул её:

— А ты к чуду-то местному ходила?

Анна непонимающе уставилась на мужчину.

— Ну, к колодцу там у вас в овраге. Неужто не рассказывали? — он понизил голос. — Место там такое старинное, можно сказать, древнее. Поговаривают, будто колодец этот

желания исполняет, только плату взамен требует.

По телу Анны пробежали мурашки. внезапно стало холодно. «Да что со мной? Никогда подобных историй не боялась, а теперь?», — мысли путались, Анна не могла понять, отчего этот овраг вызывает в ней такую реакцию. Она подошла поближе и, тоже понизив голос, спросила:

— И что, правда исполняет?

— А не знает никто, — Семёныч засмеялся. — Разве что бабки здешние ещё могут чего рассказать, а молодёжь-то вряд ли. Тут вроде как все об этом знают, но никто не говорит, всё в тайне держат. Я тридцать лет уже торгую, а сколько ни спрашивал, всё клещами не вытянешь, только байки какие-то страшные рассказывают, поугадать лишь бы. Подумал просто, может ты, раз местная теперь, посвящена, так сказать, в деревенский фольклор.

По глазам Семёныча можно было понять, что он уже потерял всякий интерес, увидев на лице Анны полнейшее непонимание.

— Ну, тогда в следующий раз приеду, может, узнаешь чего. Расскажешь.

Девушка кивнула. Торговец уже отвернулся, занимаясь своими делами, так что ей оставалось только двинуться в сторону дома. «Овраг, колодец. Может вот что местные прячут там. Только к чему такая секретность?», — мысли роились в голове. Пройдя всего несколько шагов, всё это время смотря себе под ноги, Анна не заметила, как чуть не вреза-

лась в женщину. Подняв глаза, она увидела ту самую испуганную соседку, которая вчера скрылась от неё. Сейчас на её лице был уже не испуг — настоящий ужас.

— З-здравствуйте! Я Анна. Я вчера вам махала. Рядом с вами живу, в доме с синей крышей.

Казалось, в голове женщины заработали шестерёнки. Ей понадобилось некоторое время, чтобы взять себя в руки и бросить только:

— Знаю.

— А вас как зовут? — Слегка обескураженная ответом, Анна решила во что бы то ни стало расположить к себе эту женщину.

— Галина.

Кажется, на этом разговор можно было заканчивать. Уже готовая уйти, Галина теперь несколько враждебно смотрела на Анну, а та больше не знала, что ещё сказать, пока слова сами не сорвались с языка:

— А правда, что у вас тут колодец желаний есть?

Эмоции мигом пропали с лица соседки. Она будто окаменела. Широко распахнула глаза и посмотрела прямо на Анну. Несколько секунд — тишина. Потом, словно очнувшись, Галина сказала:

— Не ходи туда, — голос её прозвучал твёрдо, настойчиво. — Слышишь, не вздумай.

Она быстро обогнула девушку и поспешила к Семёнычу, который уже собирался уезжать. В недоумении Анна толь-

ко покачала головой. «Да что с ними не так?», — холодок на шее вновь вызвал испуг, сменившийся раздражением, но внезапно перед глазами встал орешник с поваленным массивным стволом, преграждающим путь. Помотав головой, словно прогоняя видение, Анна направилась к дому, всё ещё пытаясь отделаться от противного ощущения.

Больше на пути ей никто не попался. Анна вошла в своё жилище, плотно прикрыв за собой дверь. Разом навалилась какая-то усталость. Хотя нельзя было сказать, что она перетрудилась, тело всячески сопротивлялось мыслям о продолжении работы на улице. Разобрав пакет с продуктами и пересыпав сахар в красивую, украшенную хохломой сахарницу, она собиралась отправить пустую упаковку в мусорное ведро, когда заметила там осколки разбитой чашки. Голова стала тяжёлой, где-то в подсознании вновь появилось неприятная тяжесть.

«Когда я успела разбить чашку?», — мысленно восстанавливая события дня, Анна так и не смогла вернуться к этому моменту. Её охватила злость. Больше даже не от того, что она не может вспомнить, что случилось с чашкой, а от того, что воспоминания всё время вели к оврагу и запретам деревенских приближаться к нему. Анна почувствовала, как внутри закипает глухое, беспомощное бешенство:

— Да идите к чёрту! — в сердцах выкрикнула она.

Заварив ещё кофе, она принялась разбирать свою сумку, выискивая книгу, которую привезла с собой. Это был

какой-то детективный роман, который она купила ещё в Москве, но так и не смогла осилить. В попытках отвлечься, Анна уселась на кровать и принялась за чтение. История не складывалась. Предложения прыгали перед глазами, превращаясь в какую-то тарабарщину, а мысли путались, и вместо букв Анна то и дело видела орешник. И каждый раз, когда она представляла, как подходит ближе, рядом оказывался кто-то из деревни и обязательно одёргивал её: «Не ходи!».

За окном смеркалось, Анна включила маленький светильник, который нашла в шкафу. Тусклая лампочка едва помогала, но всё же справлялась лучше, чем та, что освещала комнату. Ещё, наверное, пару часов она вглядывалась в строки, пока не поняла, что за окном совсем стемнело. В этот момент свет потускнел, лампочки заморгали и, напоследок вспыхнув ярче, окончательно погасли.

Анна пощёлкала выключателем, но никакой реакции не последовало. Выглянув в окно, она увидела, что вся деревня погрузилась в кромешную тьму. И не такую, какая бывает в крупном городе, когда вокруг ещё достаточно источников света: от машин, далёких фонарей, вывесок на соседних улицах, да даже смартфонов, которые освещают лица вечно уткнувшихся в них людей. Нет, здесь всё было иначе. Настоящая темнота, которая окружала со всех сторон, сковывала и нагоняла жути.

Раздражённая, она с трудом отыскала на кухне свечи, которые заранее купила «на всякий случай». Света они прак-

тически не давали, но это было лучше, чем ничего.

— Света нет! Генератора нет! Вообще ничего нет! — в сердцах выкрикнула она на весь дом, пытаясь справиться с чувством обиды.

Затем упала на кровать. Столько надежд она возлагала на это место. А что в итоге? Местные сторонились, дом непригоден для зимовки, работы непочатый край, а сил от осознания того, что она свободна от городских оков и своего прошлого, как-то не прибавилось. Не так она представляла себе эту жизнь, совсем не так. Тихо заплакав в подушку, девушка продолжала жалеть себя, пока, наконец, не провалилась в беспокойный сон.

Ей снова снилась тьма. Кромешная, тягучая, осязаемая. Почти сразу же она смогла различить тот самый неожиданный звук: «Кап, кап, кап». Анна вновь могла шевелиться, вертеть головой, пытаясь определить источник, вот только звук, как и прежде, раздавался отовсюду. Даже во сне на неё навалились усталость и злость, и, выкрикивая проклятья, она и не заметила, что может идти. Хотя сложно было назвать это ощущение именно ходьбой. Она будто плыла в этой черноте, пока не поняла, что тьма слегка расступилась.

Теперь впереди явно различалась поверхность, по которой можно было передвигаться. Это была вода. Чёрная, непроглядная, расходящаяся волнами при каждом шаге. Когда осознание этого пришло к Анне, звук вдруг сфокусиро-

вался в одной точке. Ещё немного повертевшись на месте и точно определив источник, девушка двинулась к нему. В какой-то момент впереди стала различаться невысокая конструкция, понять форму которой было сложно из-за окружающей её черноты. Сколько бы Анна ни пыталась приблизиться, казалось, будто все её старания тщетны — конструкция так и оставалась недосягаемой, маня своим «кап, кап, кап».

Глава 4. Деревенские байки

Восемь двадцать. В этот раз сон настолько поглотил её, что ни крики петухов, ни весело щебечущие птички, ни бьющее прямо в лицо через окно солнце не смогли её разбудить. Однако, несмотря на это, чувствовала она себя более чем хорошо. Вчерашние усталость, беспомощность, злость и обида как-то разом отступили. Желанного воодушевления, конечно, не было, но она хотя бы вернулась к отправной точке — почти полному безразличию.

Пощёлкав выключателем, Анна убедилась, что электричество так и не появилось. Вздохнув, попыталась натянуть на лицо улыбку, буквально заставляя себя воспринимать происходящее как неотъемлемую часть деревенской жизни. Умывшись остатками ледяной воды, снова заварила кофе. Чашка с напитком стояла на столе, но Анна не спешила приступать к утреннему ритуалу. Она рылась среди посуды, пытаясь что-то найти, и бормотала себе под нос:

— Да где же? Ведь было две кружки... Прости, сегодня без кофе.

В голове вдруг щёлкнуло: «У кого ты просишь прощения?». Анна закрыла глаза, глубоко вдохнула, шумно выдохнула и села пить уже начавший остывать напиток. Телефон завибрировал, на экране появилось уведомление: «Электрико. Доставка». Открыть мессенджер уже не получилось: по-

видимому, это была случайно пойманная связь, поскольку теперь телефон упорно показывал «Нет доступных сетей».

Генератор! Ну точно, за делами и переживаниями Анна совсем потерялась в днях, а отсутствие связи не позволяло следить за ходом заказа. Благо, она довольно конкретно указала адрес, даже написав в комментарии к заказу геоданные для курьера. Настроение сразу поднялось, в душе появилось чувство, что какие-то трудности не смогут просто так сломать её, и всему есть разрешение.

Выйдя на улицу и осмотревшись, Анна прикинула фронт сегодняшних работ. Нужно было начинать максимально освобождать заросший участок от мелких кустарников и высокой травы. «Кап», — звук, возникший из ниоткуда, привоздил её к месту. Волосы на затылке встали дыбом, сердце застучало. «Кап», — требовательно повторилось где-то сзади. Медленно повернувшись, Анна испуганно посмотрела на дом. «Кап!». Взгляд быстро переместился, заметив движение. Вдруг навалилось такое облегчение, что она невольно рассмеялась, и только ладони оставались вспотевшими и холодными. Сверху медленно падали капли, разбиваясь о маленькую лужицу на земле. Видно, ночь была довольно прохладной, и конденсат собрался на крыше.

— Вот ты глупая! Так, всё, прекратить! — всё ещё смеясь, сказала Анна сама себе и приступила к работе.

— Семёныч, будь он неладен! Растрезвонил ей!

Николай стоял у входа в небольшой амбар. Переминался с ноги на ногу и теребил в руках кепку, ожидая ответа стариков.

— Му? — непонимающе ответила корова, стоящая рядом.

Ему были видны только две старые крепкие женские руки, ритмично сжимающие коровье вымя, из-за чего с характерным звуком в стоящее на земле ведро отправлялись струйки тёплого молока.

— Да что вы, в самом деле, завелись все раньше времени!

— Из глубин амбара показался Василь, держащий в руках вилы.

За секунду до этого он разбрасывал свежее сено, застилая пол для скотины.

— Во! Дело говорит! — Из-за коровы показалась Марфа. — Чего завелись? Видел чего? Так говори. Что домыслы твои — так придержи при себе. Будет девица спрашивать — отправляй ко мне, к Кате. Мы знаем, чего сказать. А Галина присматривает. Ежели той припрёт в чашу залезть, так мы её уж как-нибудь заставим передумать.

— Да как её заставить, насильно что ли держать? Ну вот захочет — так залезет, кого она слушать будет? Девка молодая, видно, что нервная, непростая. Ты бабку мою вспомни, такая же была. И что вышло?

Марфа поморщилась. Да, с родственницей соседа получилось совсем нехорошо.

— Говорил я, надо засыпать этот колодец, и дело с кон-

цом! — не унимался Николай.

— Совсем дурак?! — взревел Василь. — Уговор какой был? Хранить! Или зря наши деды всю жизнь свою положили?

Николай нахмурился, открыл было рот, собирался сказать что-то ещё, но, плюнув на землю, махнул рукой и ушёл. Марфа покачала головой:

— Совсем у этих молодых никаких принципов не осталось, никакой верности. Всё бы им разрушить да засыпать, ой.

— Не переживай, Марфуш, — на лице Василя засияла улыбка, стоило ему приблизиться к жене и приобнять её сзади. — Девка вроде не совсем глупая, уж постараемся, как сможем.

Марфа улыбнулась в ответ и поцеловала мужа в небритую щёку.

Ближе к полудню на улице затарахтела старенькая «Газель» приближаясь к дому. Анна поспешила встречать гостей. Двое самых обыкновенных мужиков лет по сорок остановились возле «Шевроле».

— Хозяйка! Доставка!

— Ох, как хорошо! — Анна уже оказалась рядом. — Я уж надеялась, что вы не к вечеру приедете, а то у нас тут вот, — она показала рукой на дом, — электричество кончилось.

Хохотнув, один из мужчин похлопал другого по плечу,

махнув на машину. Тот поспешил к задним дверям.

— Да мы бы и раньше приехали, просто крутились пока. Связи-то нет, навигатор отключился. Пришлось бабулек вон допрашивать, как к вам проехать.

— Мишаня! — раздалось из-за «Газели». — Хорош трепаться, помогай давай!

Театрально закатив глаза, Мишаня пошёл помогать напарнику. Анну этот жест развеселил. Настроение ещё больше приподнялось. Через некоторое время рабочие вытащили генератор, перенесли его в сарай, на место, которое Анна заблаговременно расчистила для техники, и принялись тянуть провода. Анна всё это время крутилась вокруг, предлагая им то чай, то печенье, то отобедать, но мужики попались на редкость работающие, спешащие поскорее закончить дела.

— У нас ещё две ходки сегодня, так что не до обедов, девушка! — только и отвечали в ответ на её гостеприимство.

Анну это, конечно, не расстраивало. Просто хотелось казаться заботливой хозяйкой, вот и всё. В какой-то момент, когда она была в доме, на заднем дворе послышался крик. Выбежав на улицу, девушка увидела того самого Мишаню, поспешно застёгивающего ширинку.

— Что случилось?

Тот, судорожно сглотнув, указал пальцем на тропинку:

— Т-там... Извини, хозяйка, я на минутку по нужде отошёл туда, вниз по тропке. Стою, никого не трогаю, и как будто кто-то в спину мне дышит. Неприятно так стало. Я уж

уходить собрался и чувствую: кто-то меня касается, прямо за шею трогает. Ну я и заорал, уж извините.

— Тьфу ты, как баба разорался! — Напарник у Мишани оказался не слишком чувствительным.

Начавшаяся между рабочими словесная перебранка уже шла мимо ушей Анны. Она посмотрела на тропинку, и всё её внимание снова притянуло туда. Ноги сами понесли, но через несколько шагов остановились, не решаясь двигаться дальше. Опять этот овраг! От рассказа рабочего по спине пробежал холодок. Капелька пота, холодная и противная, стекла по позвоночнику, от чего девушку передёрнуло. С трудом подавив странное притяжение, Анна ещё немного поспрашивала Мишаню о том, что было там, внизу, но он только отмахивался, желая поскорее закончить и уехать отсюда.

Рабочие, подключив электричество и научив Анну заправлять генератор, вскоре поспешно собрались и отправились по следующему адресу. Пощёлкав выключателем, Анна удовлетворённо хмыкнула, увидев, как ярко теперь горят лампочки в доме. И вроде бы настроение было приподнятым, но все эти странности, все эти недомолвки, загадки — всё не давало ей покоя. Мысли то и дело перескакивали с одного на другое, но она неизбежно ловила себя на том, что начинает думать об овраге и о колодце, скрывающемся где-то там.

— Нет, всё! — Работа не клеилась, да и отдыхать было неумоготу. — Я их заставлю, ей-богу, заставлю всё расска-

зять! — голос прозвучал решительно, бойко.

Ноги сами понесли к домам в поисках старушек, которые знали ответы на все вопросы. Всё ещё покрасневшая ступня отозвалась болью, стоило ей ускорить шаг, но Анну эти мелочи уже не волновали.

Деревня встретила девушку тишиной. Многих стариков, да и, наверное детей, сморил послеобеденный сон. Невольно вспомнилось, как она канючила в детском саду, когда воспитательница объявляла тихий час. Кто вообще любит спать после обеда? И только повзрослев, можно было решительно сказать: «Да, послеобеденный сон — лучший из снов».

С соседних участков не доносилось ни звука, только где-то промычала корова. Дом, в котором была беременная девушка, теперь казался безжизненным. Свернув за угол, она сразу увидела свою цель: на той самой лавочке восседали Марфа и её подруга, о чём-то размеренно болтая. Собрав всю свою решительность в кулак, Анна буквально подскочила к ним, но не успела и рта раскрыть, как её завалили вопросами:

— Ой, дочка! Как раз о тебе вспоминали! Ну, как ты? Как обживаешься? Не тяжело? Покушать есть чего? А как с водой? Не устала вёдра таскать? Смотрю, рабочие приезжали. Чего делали? Участок, поди, прибрала уже?

Марфа, широко улыбаясь, похлопала по лавке, приглашая Анну сесть. Слегка раздвинувшись, старушки образовали небольшое пространство, куда она уселась, оказавшись

зажатой между ними. Обескураженная таким шквалом вопросов, Анна не сразу сообразила, зачем пришла.

— Я ж, городская, так и не представилась, — подала голос баба Катя. — Катей зови. Можешь баб Катей, как удобнее. В нашем возрасте уже без разницы.

Рука старушки тихонько прошлась по спине Анны. От этого простого, но такого уютного жеста сразу стало теплее, и весь гнев, всю раздражительность как рукой сняло. Некоторое время девушка молчала, пытаясь собраться с мыслями, и старушки начали нервно переглядываться, не дождавшись ответа ни на один из вопросов.

— Простите, я... — очнулась Анна. — Всё хорошо, спасибо. Привыкаю потихоньку.

Марфа с облегчением выдохнула.

— Ну, говори, с чем пожаловала! Чайку хочешь? Сейчас Василя мигом запряжём!

— Нет-нет, спасибо. Я на минутку только.

Как начать такой разговор? Весь запал пропал, и теперь ей казалось, будто вопросы покажутся глупыми.

— Да не бойсь ты! Все свои! Может, помочь чего?

Баба Катя всё продолжала гладить Анну по спине, от чего у той вдруг навернулись слёзы. Когда последний раз кто-то вот так тепло относился к ней?

— Извините, но... Мне надо знать. Все меня пугают, а говорить ничего не хотят, — старушки мигом напряглись. — Галина, соседка моя, и вовсе разговаривать не хочет, сторо-

нится. Василий, Николай, все как будто пытаются от меня что-то скрыть. А мне от этого только тошно, понимаете?

— Понимаем, деточка, понимаем, — Марфа за спиной у Анны округлила глаза, всем видом показывая подружке, что нужно держать язык за зубами. — Ты на Галю не обижайся, она баба тёмная. Всю жизнь отшельником в своём доме просидела и с нами-то почти не общается. А мужики — да что с них взять, мужики они и есть мужики, но ты к ним всё же прислушайся. Они в первую очередь о нас, бабах, заботятся. А о тебе, как о новенькой, двойная забота должна быть, чтобы обживалась лучше, привыкала быстрее!

— И всё равно, пока не расскажете, я не пойму, от чего такая скрытность. Что там в овраге? И что за колодец? Пожалуйста! — она вперилась глазами в лицо Марфы, ожидая ответа.

— Да что с тобой делать, ей-богу! — та немного задумалась, прикидывая, что именно ей ответить. — Древнее место там, тёмное. Батюшка наш, Царствие Небесное, даже крестный ход туда не водил, ибо говорил всегда, что от диавола всё это. Кто-то, уж не знаю сколько годков назад, колодец там вырыл. Его ещё мой дед помнил, да и его дед, пожалуй, тоже. Вот и говорят, будто колодец этот желания исполняет, да только плату берёт неподъёмную.

— Я когда малая была, вот как ты, дядька у нас один, всё с женой ругался. Бил её, иногда так сильно, что думали зашиб совсем. Но нет, вроде всегда в себя приходила. Только

сыночек их этого выносить не мог. Пошёл к колодцу, да загадал, чтоб помирились родители, да жили душа в душу. На следующий день обоих мёртвыми нашли. Вот и помирились, значит, на том свете... — вставила баба Катя.

— Тьфу ты, окаянная! Чего зря девку пугать! — шикнула на подругу Марфа. — Ты эту дуру старую не слушай, она тебе и не таких баек расскажет. А лучше вот что: просто думать забудь об этом колодце, и об овраге. Нечего лишний раз нечистую будить. Оно, может, и сказки всё, да кто знает, — старушка перекрестилась. — Кто вот его знает?

То, что представлялось Анне, как какой-то заговор, вдруг приобрело обычный деревенский окрас. Простая байка, каких много по всей необъятной родине. Всё из-за пары случайных смертей, которые кто-то связал с колодцем? Анна, видимо, на какое-то время зависла, обдумывая услышанное. Старушки испуганно переглядывались, не понимая, что творится у неё в голове.

— И всё? — голос прозвучал разочарованно. — Могли бы и сразу рассказать, а то пугали, а нечем вовсе.

Марфа нервно рассмеялась, но, поняв, что городская, кажется, получила ответы на свои вопросы, сразу повеселела. Тут уж не удержалась и Катя. Да и Анна, увидев их реакцию, тоже вдруг захохотала. Смахнув слёзы, Марфа чуть приобняла девушку:

— Ты уж извиняй, деревенские мы, да и немолодые уже. Беречь пытаемся вас. Не всегда понять можно, чего хотим,

— тут она посерьёзнула, повернув к себе лицо Анны, и внимательно посмотрела ей в глаза:

— Ты только пообещай, что не будешь туда ходить. Бог с ним, с колодцем, только без рук, без ног останешься, пока в овраг залезешь. Обещаешь?

Анна на мгновение задумалась. Перед лицом снова встала та картина: густой орешник, поваленный ствол, упорно приковывающий взгляд. То ощущение притяжения, с которым трудно бороться. Прогнав наваждение, она ответила:

— Обещаю. Да, знаете, у меня и без того дел по горло, но... Спасибо!

Тут уж она не удержалась и разревелась, упав Марфе на плечо. Старушка опешила, а баба Катя и вовсе заметалась, не зная, что делать.

— Ох, боже ты мой, да будет тебе! Ты чего, дурёха, слёзы льёшь?

А Анна и сама не знала. Просто почувствовала, что всё это время на душе была такая тоска, будто чего-то не хватало. Доктора постоянно требовали работать над собой, контролировать эмоции, следить за состоянием. И да, все их требования выполнялись, но беспощадное чувство одиночества всё равно вносило свои коррективы. А теперь, ощущая рядом тепло других людей, её прорвало. Слёзы сменились звонким смехом, повергнув соседок в ещё больший шок. Но Анну это не волновало. Утерев лицо, она только поблагодарила их и отправилась обратно к дому, оставив старушек непонимаю-

ще переглядываться.

— Правда странная какая-то, — тихонько проворчала Катя.

— Странная. Но вроде не глупая. Будем надеяться, послушает совета.

Вернувшись к дому, Анна снова взглянула на разноцветные стены и противную глазу синюю крышу. Немного постояв в стороне, мысленно прикинула, сколько времени займёт перекраска, сколько материала нужно купить, чтобы лишний раз не мотаться в город. Посчитав примерные цифры, удовлетворённо кивнула и улыбнулась сама себе. Решено! Её новая жизнь начнётся тогда, когда этот дом перестанет быть таким унылым и безобразным.

В это время из-за угла соседского дома выглянула встревоженная женщина. Она видела, как Анна вышла от соседки, как шла по улице, глядя себе под ноги, а потом вдруг встала посреди дороги и замерла. Стояла так долго, глядя в сторону леса, от чего Галина невольно перекрестилась. Когда Анна, наконец, двинулась дальше, Галина со всех ног побежала к Марфе.

Глава 5. Чердак

Тьма в этот раз расступилась ещё сильнее. Требовательное «кап» продолжало звучать откуда-то спереди, со стороны странной конструкции, которая обретала всё больше деталей. То, что раньше казалось прямоугольным пятном, стало вдруг округлой каменной постройкой. Уже было ясно, что это довольно старый каменный колодец, но приблизиться к нему вплотную не удавалось, будто что-то не пускало пройти дальше. Находясь буквально в пяти метрах от колодца, Анна силилась рассмотреть что-нибудь ещё, однако, кроме звука капающей воды и каменного сооружения вокруг больше ничего не было. Сколько времени она вглядывалась во тьму, рассматривала и запоминала каждый камень, из которого состоит вершина колодца, сказать было сложно, но кажется, целую вечность.

Последнее, что мелькнуло перед глазами — два внезапно возникших силуэта рядом с колодцем, похожих на тени. Одна тень была примерно её роста, а вторая — на голову выше. Судя по очертаниям, та, что пониже, явно была девушкой, вторая же, очевидно, парнем. Он подошёл к девушке, положил руку ей на талию, и Анна услышала:

— Ты такая красивая сегодня... — Силуэт медленно наклонился к девушке и их лица встретились.

Анна открыла глаза. Часы, оставленные на прикроватной

тумбочке, противно пищали, напоминая о том, что она хотела подняться в семь часов утра. Только вот сон всё же затянул и целых сорок минут не давал услышать старательно выполняющий свои обязанности будильник.

В голове пронеслось: «Ты такая красивая сегодня». Сразу за этим накатила головная боль, как будто что-то внутри пыталось задушить возникший голос. Анна поморщилась, отбросила одеяло и опустила ноги на пол. Что за люди это были? Чей голос прозвучал во сне? Мужской, довольно мягкий, явно влюблённый. Мысли об этом только усилили головную боль, так что Анне пришлось сразу же отбросить их, пока она не упала обратно на кровать.

«Перестань», — сказала она сама себе.

— У тебя сегодня полно дел! — В этот раз слова прозвучали вслух, так, чтобы можно было услышать установку на день. Ещё один из приёмов, которым врачи учили на их встречах.

И правда, по намеченному ей вчера плану, сегодня предстояло съездить в областной центр, добираться до которого никак не меньше часа. На столе лежал подготовленный список вещей, необходимых для начала работ по дому. Помимо различных валиков, шпателей, штукатурки и краски, она внесла в список и газонокосилку, чтобы побыстрее избавиться от травы, поросшей возле дома, а также топливо на пару недель вперёд, необходимое для работы генератора.

Мысли о предстоящем путешествии как-то разом выбили

из её головы и колодец, и тёмные силуэты. Головная боль отступила. Анна радостно заулыбалась, по обыкновению налила себе кофе, на секунду задержавшись у полки с кружками. «Чего-то не хватает», — промелькнуло в голове, но всё это было уже не важно.

Буквально через полчаса она уже выехала на асфальтированную дорогу, пусть и изъеденную тут и там ямками, которые, наверное, уже никто и никогда не будет заделывать. Солнце согревало, а шумный ветерок, проникающий через приоткрытое окно, весело трепал её волосы. Радио играло очередные танцевальные хиты, заставляя Анну ритмично стучать пальцами по рулю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.